

“З

аплутал, заплутал... Где же Вовка-то?!»

Пропавший мальчишка-проводжатый чем-то напоминал Тимофею Павловичу сына, только был побойчее да с деревенской ухваткой.

«Может, и не пропадет, раз местный. Мне бы вот не пропасть! Дома-то ждут. Жена, сын, дочь...»

Тимофей бродил по лесу почти целые сутки, а ружье на узком ремне болталось не просто без пользы, а как невыносимо тяжкий груз, до боли оттянувший плечо. Было голодно — припасы остались у вчерашнего костра, который, подымив едкими белесыми клубами, пощипав глаза, так и не разгорелся, потух в промозгом лунном свете. Тропу обратно к жилью Тимофей не нашел, а может быть, не узнал ее, оборотившуюся в реку от бурно таявших лесных снегов. В любом случае, один, не сделав все возможное и невозможное ради того, чтобы найти в гиблой чащобе мальчишку-проводжатога, он в деревню вернуться не мог.

Здесь, в этой глухомани, человек уже никакой не венец творения, а просто слабая биологическая особь. Поняв это, Тимофей Палыч очень быстро растерял городской напуск и запаниковал.

Начало апреля. До открытия весенней охоты в этом районе — неделя. Потом бы

началась пальба по всему лесу, дымки от костров то тут, то там, стали бы попадаться в лесу незнакомые, совершенно чужие люди с ружьями, и это бы нервировало Тимофея, отвлекало бы его от священного дела — поисков деда, погибшего семьдесят с лишним лет назад. И он решил отправиться раньше, успеть побродить с «миноискателем» до открытия весеннего охотничьего сезона.

Поначалу не хотел, чтобы Вовка брал с собой ружье:

— Ты несовершеннолетний, а я за тебя да за твое ружье отвечаю?! Ты мал еще, а оно у тебя незарегистрированное. Где ты вообще его взял?

— Это ему дядька подарил, — объясняла хозяйка, Вовкина мать.

— Попадёмся — дадим егерям бутылку или денег... — безалаберно отвечал паренек, когда еще только начали собираться...

В доме его матери Тимофей, загодя договорившись и неплохо заплатив, стоял «на постое».

Когда вошли в лес, стало понятно, что поиски вести рано — еще слишком много нестаявшего снега, а на прогалинах слишком сыро и топко.

Пропал малец еще с вечера, вызвавшись пойти поискать сухого хвоста. Где ж такой найдешь в это время года! А теперь не сыскать и его самого. Пропал с концами... Бойкий даже по деревенским меркам подросток, играющий в матерого, храброго, сильного мужчину. Только вот, сдается, что уже в свои пятнадцать на вино слабоват...

Тимофей сорвал горло, выкликая этого мальчишку, и только к поздней ночи до него дошло, что вместе с провожатым пропал и металлоискатель — дорогушая штукавина, без которой все поиски пойдут прахом.

— Вовка! Ау-у!

Абсолютная тишина в ответ. Даже эху не пробиться сквозь лесную чащу. Весь вечер до полуночи Тимофей метался по лесу и кликал парня. А ночью замерз до зубной дроби и нудящей ломоты в костях, грелся, сляясь раздуть огонь, боксируя с елками, и тщетно пытался успокоить себя. К утру совсем изнемог. Едва дождавшись солнечных лучей, на счастье теплых, он ушел от места привала очень далеко и уснул в сухой куге на берегу ручья.

Обратно к припасам и кострищу дорогу уже не сыскал...

«Ну, ничего, ничего, найдемся... — бормотал себе под нос, пробуя болятным сапогом ручей, глубоко ли там. — Не зачерпнуть бы, а то до вечера точно не просохнуть».

Новый костер разводить было нечем — спички Тимофей без толку извел на тот, предыдущий. Осталось только несколько часов неумолимо тускнеющего солнца. Лучи все еще были теплыми, сквозь куртку прогревали нутро, и то ли от усталости, то ли от обманчивого солнечного сугрева есть уже не хотелось. Потом упадут сумерки, обольют холодом. Не дай бог, опять ясная ночь — застудит все вокруг, а где сможет — покроет стеклянкой корочкой и лужи, и волглую прошлогоднюю траву. И тогда — конец...

Где же Володя? Может, каким чудом добрался накануне до деревни, согрелся, позвал подмогу? Может быть, он, Тимофей Павлович, плуствует здесь, пытаясь найти и мальчика, и дорогу к жилью, а Вовка, поди, уже выбрался и идет сюда с людьми? Там и ребята молодые из местных, дружки его Павлик да Сашок, да еще без одного глаза мальчонка с ними все крутится, им денег пообещай — весь лес перевернут корнями вверх. Работы нет, деньги нужны, за любое дело берутся. Найдут... Без паники, без паники...

Ночью страшно. С луной еще страшнее, чем было бы в глухой тьме. Все в черных тенях, а где светло, там блестит вода, подернутая тонкой ледяной пленкой, и тускло светятся мокрые можжевельные ветки. Ночью, когда безуспешно пытался разжечь огонь, казалось, что вот он, сидит волк, и сверкают бусинами зрачки, и видно клыки в пасти, а здесь уже вроде курит лесной мужик с рюкзаком, пыхает оранжевой сигаркой, но табаком почему-то совсем не тянет, и от этой странности берет оторопь. Подойти и разувериться в своем страхе — боязно до жути. И неясно, отчего больше бросало в дрожь — от холода или ужаса.

Фонарик тоже ушел в Вовкиных карманах, как и «миноискатель», как и «энзе» с сухими спичками. Где он, как он, что с ним? А Тимофеевы три коробка с самого начала отсырели и были бездарно вычерканы, потрачены на дым.

А теперь...

Нужно ли ему вообще это Вовкино незарегистрированное ружье, которое они прихватили от диких зверей? Пригодится ли? Какой от него толк? Стреляет Тимофей Павлович скверно, и если бы и посчастливилось с голодухи попасть по какой-нибудь страхе, не будет же есть ее сырьем? А костер не развести...

Ветер шумит в верхушках деревьев. Гул звонкий — это оттого, что ветви пока еще голые и свистят, как провода на какой-нибудь электролинии. Шум ритмичный, словно где-то там, в километре-двух, пролегла железная дорога и идет-гудит по ней электричка. Тимофей купился на этот обман и по сухим высотам ушел от теплого утреннего пристанища вверх в солнечный и просторный лес. Не было там никакого железнодорожного полотна, никаких следов человеческой деятельности: вершина холма и дальше только склон, уводящий вниз в темный полустаявший снег и талую воду. Всего-то тридцать километров от районного города! Ну сорок, если считать, сколько они протопали пешком от деревни! Должны же быть кругом другие поселки, деревушки! Что ж это за место такое заколдованное, куда привел его местный Володя, посулив показать то урочище, где когда-то была деревня Гаврилово, за которую полгода шли бои... Привел — и ушел в чащу. Да как незаметно — только его и видели. Настолько стремительно только выпущенная рыбаком рыба в воду уходит. И, если не почудилось, то потом под утро бахнул, будто из-под земли, одинокий утробный выстрел. Браконьеры? Или, не дай бог, «повезло» пацану с металлоискателем нарваться на ржавую бомбу, мину, гранату?

И дались ведь Тимофею эти поиски!

Разочарованный, он в тревоге повернул назад, но к тому ручью, рядом с которым дремал на заре, уже не вышел. Место было похожее, но другое, нехорошее — не с ручьем, а с разлившимся темным озером-болотом.

«Без паники, без паники. Разложим все по полочкам. Что у меня есть? Ружье. Патроны. Еды нет. Где-то там, у сдуру покинутого ночного привала, осталась и тушенка, и котел недоваренной в дыму гречки, и кусок сала, и хлеб, и фляжка с чаем...»

Под курткой, под двумя свитерами громко урчало в животе...

«Тепло, только пока солнце в зените. Костер! Костер от пыжа! Как в книжках по выживанию написано — выстрелить в землю и найти тлеющий пыж, раздуть, развести огонь. Так и надо сделать, пока не поздно!»

Озаренный идеей, он вскочил, дернул с большого плеча ружье, но ре-

мешок зацепился за пуговицу... Споткнулся — повело по кочкам и плюхнуло в талую жижу.

Ледяная вода облапила, сошлась над головой, сшибла вмиг отяжелевшую шапку. Тимофей забарахтался беспомощно, хлебнул студеной водички, и загло, заломило во всем теле. Сам не помнил, как ухватился за кочкарник. Был уже без болотных сапог — словно сдернул их кто-то и упокоил в глубине вместе с тяжелым тульским стволом.

Когда выбирался на сушу, накатило чувство, что снизу подталкивает, пособляет что-то или кто-то — спасти и выгнать вон из озера нежеланного здесь человека.

Его будто выпихивали, отваживали от воды, и эта мысль пугала, лихорадила и грела, пока он выбирался на сушу, пока скидывал мокрое и растирал тело колким травяным сухостоем.

Ружье он достанет потом, когда выживет, выберется из леса и приведет сюда людей на поиски Володи, если тот еще не вышел к деревне сам. Главное, запомнить место... Но как это сделать в огромном меняющемся каждую минуту весеннем лесу!

Выпал из кармана куртки тучный от влаги, как утопленник — бумажник.

«Ох ты! Сколько ж здесь? Да ты богач! — Тимофей расхохотался в истерике. — Сколько у меня денег! Еще и карты из банка! В лесу без них пропадешь! Как холодно...» Кто ж там был на озерном дне? Кто? Кто поможет не утонуть? Может быть, это давно погибшие до сих пор спасают нас, живых, своих потомков? Уж не дед ли? Не-ет, подумать только, какой же бред приходит на ум!

И от бессилия Тимофей Палыч вдруг начал ругаться и матерился до тех пор, пока не иссяк запас известных ему скверных слов.

Стукнуло же в голову во что бы то ни стало найти останки деда, доискаться, захоронить, наконец, бойца, осенью сорок второго сложившего голову здесь, в болотах Смоленщины...

Лес, казалось, слушает внимательно, повторяет и учится новому языку. И опять подкатил где-то скоростной поезд, выгрузил на станции людскую массу, и зашумела за ближней рощицей площадь, полна охального бесстыжего народа. И бранилась в вышине паутина ветвей, еще голых и черных, пока не стих очередной порыв теплого ветра.

Тимофей был наг, и нечем было укрыться от холода, кроме вороха надерганной травы, от которой тело чесалось... Наколол чем-то ногу. Присмотрелся — из земли торчал истлевший кусок ржавой колючей проволоки. Только этого еще не хватало...

«Солнышко! Не уходи, не уходи, погрей еще немножко! Солнце, не оставь, не дай сгинуть...» — вышептывали его посиневшие губы почти языческую молитву и, не слыша ответа, снова и снова плевались руганью...

Он забылся, лежа под деревом, утомленный, голодный, перепуганный исчезновением провожатого, замерзший до синевы и учуяв в забвении запах костра, открыл глаза. Тело онемело от холода и не слушалось. В груди давило подступившей тяжелой простудой.

Смеркалось. Дымок стелился на фоне темного ельника белесой шапью. И да, будто слышались неподалеку то ли голоса, то ли песня или молитва, а может быть, это был печальный гимн всем сраженным и безвестно канувшим ... или просто ветер в голых ветвях.

«Надо одеться». Пусть не высохло, пусть все влажное и холодное, но

у костра, если не мерещится, наверно, сидят люди и потому необходимо — неважно, что Тимофея уже тряс озноб, — снова становиться жителем большого города, носителем цивилизации.

Как быстро стемнело! Когда он был к чужому костру настолько близко, что в расчерканном тенями синеватом отсвете различал уже иглы на еловых ветвях, песнь стихла. «Прислушиваются, — догадался он, — а теперь вскочили! Бегут. Убегают от незваного гостя во тьму — вместе с синими бликами, колдовским костром и последней надеждой... Он упал на сырую корягу, от которой исходил запах прели.

— Ребятки! Лю-юди! Воло-одя! — вылетало с хрипом из простуженных легких. — Не пугайтесь! Куда вы... Вова!

Тимофей лежал и видел, как искры от воображаемого огня взмывают высоко вверх в прогалину между елками и остаются на небе, светят, жмурятся от невыносимого жара, превращаются в красные звездочки с воинских пилотов, мерцают и плывут...

* * *

А в сорок втором году на этом месте еще не вырос густой подлесок, еще не шумели ветви, а была деревня, окруженная полем — минным полем, через которое «в два кола» была натянута «колючка». Основательно окопался, укрепился здесь немец. Выбивали полгода, а он огрызался минометным огнем, лаял пулеметными очередями...

И нашим не было известно, какие именно фашистские части удерживали деревню Гаврилово, сколько у противника огневых точек, сколько личного состава, какого типа и калибра артиллерийские орудия, минометы... Уже третья группа полковых разведчиков не вернулась с задания. Потом напишут — пропали без вести.

Штабом была назначена разведка боем силами стрелкового батальона. Без артподготовки, потому что мало снарядов, боеприпасы надо беречь к наступлению.

Он был писарем при штабе, и ему было стыдно за это перед другими бойцами. Красноармеец Локтев. Писарем, потому что до войны был учителем в селе, в тылу, в городке, который лишь местами бомбили в сорок первом. У него была бронь. И дети. Много детей. Трое собственных и целый класс соседских, с окрестных улиц — все вдруг стали своими, родными. Чужих детей уже не было, когда началась война.

В сороковом закончил техникум и страшно гордился, что он, крестьянский сын из богом забытой деревни — теперь учитель начальной школы, грамотный, с красивым бисерным почерком...

В армию его призвали в мае сорок второго. Отправили в запасной стрелковый полк, в котором проходил подготовку. Полк формировался под Москвой, совсем рядом с тем столичным районом, где жил теперь со своей семьей Тимофей.

Метельный конец ноября. Они где-то под Гжатском, а передовая чуть севернее и дальше к западу. Метет как раз с той стороны. Они — долгожданное боевое пополнение, а Локтева, вот незадача, отправили в штаб — писать бумажки.

Писарь? Ну уж нет! В эту разведку боем он попросился сам.

Сто тринадцать человек остались лежать в воронках, в снегу, смешанном с землей, и их еще полгода хоронили, засыпали глинистыми комьями разрывы мин и снарядов.

Браконьеры из местных, сидевшие в ту ночь у костра, сначала напугались человеческого голоса — думали, что егерь, но потом сообразили, что к чему, и Тимофея нашли. Оказалось, блуждая по лесу в лихорадке, в бреду, он лишь самую малость не дошел до проселочной дороги. Отвезли в сельскую больницу с воспалением легких. Лечили долго. В палату приходила Вовкина мать, каялась, извинялась за сына, обещала потихоньку выплачивать за «миноискатель».

— Такой вот он у меня. Продал, прогулял с друзьями...

Тимофей Павлович махнул рукой:

— Не до того уже... Считайте, что поменялись. Ружье-то я его случайно в болоте утопил.

— И хорошо. Давно бы утопить...

* * *

Серебрянки на калиточку едва хватило — пришлось доливать растворитель, а чуть позже еще раз разбавить остатки.

Зато всю траву Тимофей Павлович повыдергал, а братский памятник и саму ограду покрасил в два, а где и в три слоя.

— Могила как новая. Ну, все, земля вам пухом, ну и тебе, дед, где вы ты ни лежал... Табличку красивую привезу и прикручу в следующий раз. А я... Я пойду... Поеду к живым, к семье... Там у тебя, дед, правнуки растут.

С этими словами человек в рукавицах приподнялся с поминальной скамеечки и, еще раз оглядев работу, подобрал кисть и пустые банки из-под краски.

Братская воинская пирамидка, сваренная из стали в шестидесятые годы, стояла теперь сочно-салатная, как юные побеги по весне, а на вершине в виде звездочки горело красным жаром не хуже кремлевских звезд.

Лаконичное «Здесь покоятся...» все еще проступало сквозь свежий светло-зеленый блеск старыми трафаретными буквами.

Тимофей думал о величии поколения старой закалки, о том, как измельчало, размылось, опохабилось племя потомков, не помнящих уже славного родства, зачастую даже не схоронивших тех, благодаря которым живут. Мир стал странным, обесценились святые понятия, все перевернулось с ног на голову: нынешним только бы пожрать и поржать, «кайф» да «драйв»...

Локтев-внук понимал, что дедова братская могила вовсе и не могила в привычном смысле, а лишь памятный обелиск, символ. А дед? Его фамилия значится в архивном донесении о потерях, но ее не было и нет в списках могилы. Скорее всего, он так и остался лежать в неизвестном ныне урочище на дне воронки, в которой теперь лесное болотце.

Найти бы все-таки...

Уже искал десять лет назад.

Копил на «миноискатель», взял тогда отпуск весной, а не летом, как обычно, и ругался с женой Верой из-за того, что он не сможет в июле поехать, как человек, с семьей на море.

А странная навязчивая мысль-мечта непременно найти, увековечить, сродниться, спаяться с подвигом того, чью кровь он нес в своих жилах,

гнала Тимофея в те места, где семьдесят лет тому назад пылала в огне Ржевско-Сычевских фронтовых операций деревня Гаврилово.

Зачем только ездил... И стыдно теперь вспоминать, что из того вышло. Где-то теперь этот Вовка?..

* * *

Тимофей Павлович покидал в емкую пластиковую сумку из супермаркета пустые банки, начал стягивать с рук пятнистые рукавицы и сразу перепачкался. Красная краска обагрила ладонь, большой палец оказался в зелени с серебристым крапом. Вот и на руке кровавые капли, и на ботинках, на штанах... Возможно, нападали с малярной кисти, когда он тщательными мазками выкрашивал звездные лучи...

«Отмывать-то как собираешься? Или это у тебя эта одежка уже рабочей стала? А обувь? Все теперь растворителем пахнуть будет!» — представлялся ему недовольный голос жены Веры.

Вера всегда следила за его одеждой, внешним видом, всем его гардеробом, за каждой тряпочкой, носком, платочком.

— Рабочая-нерабочая... — буркнул муж как бы в ответ. — Ототру. Кто о чем, а она о тряпках... Пахнет ей плохо...

«А ведь весна, тепло становится, — Верин голос в Тимофеевой голове смягчился, будто оттаял на апрельском солнце, — даже и хорошо, что поехал... Но летом непременно на юг...»

В Гагарин вместе с ним жена ехать отказалась — у нее работа, а отгулы она тратить не собиралась — берегла к отпуску для традиционной поездки в Крым: «Дочери нужно солнце, сыну нужно море...»

Тимофей прошел через главные ворота старого кладбища, попал на новую территорию. Здесь было многолюдно — местные, в основном молодежь, в шепотливом хоре сгрудились у самой границы мертвого и живого миров. Хоронили молодого парня.

Солнце мгновенно скрылось за тучей, и с западной стороны, словно из могилы, повеяло студеным холодом.

К двум часам, сразу после очередного солнечного проблеска, вдруг повалил снег и в считанные минуты проредил по-летнему одетую толпу. Буро-рыжий холм над свежевырытой ямой на глазах побелел. Припорошило и хвойные венки с лентами, и оттого этот новый, но уже густо уставленный крестами и памятниками край кладбища приобрел столь же нелепый, как и снегопад в апреле, празднично-новогодний вид. Новопредставленному на заколоченный гроб, еще до того, как полетел в могилу первый ком земли, местные мужики и парни успели накидать сигарет, денежной мелочи, а суровая в своем горе мать мать бросила в земную глубь золотой крестик с толстой цепочкой.

— Носи и там, сынок...

Всем, кто стоит ближе к краю, было видно, как кометным хвостом летела цепь и сверкала на солнце всеми своими звеньями, пока не скрылась во тьме и не упала со звоном на домовинные доски. Слово в глинистый мрак ушла, влекомая металлом, и разлетелась внизу холодными осколками юная неприкаянная душа...

Пили здесь же — по полстопки наливали у могилы каждому пришедшему проводить в последний путь. И каждому достался кусок сала с серым хлебом.

Переговаривались шепотом:

- Такой молодой!
- Да, двадцать пять лет...
- Как же это?
- Все там будем.
- Не надо было баловать... А то — мотоцикл купили...
- Вроде только недавно в армии отслужил, девчата все наши только вокруг него и кружили...
- С плохой компанией, говорят, спутался...
- А деньги у него откуда?..

Нет-нет да и проскакивало на задах толпы, окружавшей могилу, не-лепое и страшное слово «передоз».

На душе у Тимофея стало нехорошо, сиротливо. Защемило сердце. На миг показалось, что хоронят пацана Вовку, и плачет над ним мать, просившая когда-то прощения за своего сына... Показалось ли? Какими-то вырастут его собственные дети? Сможет ли он защитить их так, как смог защитить своих потомков Локтев-дед? Тимофей поежился от холода и своих мыслей и пожалел, что сейчас рядом с ним нет Веры — пускай бы и поворчала насчет испорченной одежды, но поддержала бы, согрела од-ним лишь взглядом теплых глаз.

Он уходил с кладбища, попевая вслед за взволнованной гурьбой неприкаянной молодежи, которая в выстуженном уже легком хмелю рас-колосась, рассыпалась на привычные, по трое-четверо, компашки. Обсуж-дали не столько сами похороны и страшную смерть, сколько насущное для них — что мало, что только губы помочили и где бы добавить? И кто на-лает без денег?

— Разве что домой зайти и у своих выпросить, — говорил один из юн-цов в попутной отроившейся компании.

Тимофею нужно было идти на остановку, где, если не старый приго-родный автобус, то какая-нибудь частная маршрутка-«Газель» точно по-добрала бы его и отвезла в город Гагарин, по-старому Гжатск, на вокзал.

Ребята были говорливы. Пока шли, Тимофей прислушивался и по обрывкам фраз узнал много всего о каждом. О том, что мать одного из них, Саньки, работает фельдшером и живет в домишке при больнице и все знают, что она разбавляет медицинский спирт и торгует этим пойлом. Что этим утром сын отлил тайком из большой бутылки грамм двести чистого-на, и фляжку эту опустошили на кладбище.

О том, что второго зовут Руслик и вместо правого глаза у него, ока-зывается, стекляшка. И глаз Руслику вышибли давно — не помнит уже, камнем из рогатки прилетело в раннем детстве или наподдали так в дра-ке, но с тех пор он пугает людей стеклянным протезом, который разме-ром теперь чуть меньше своей живой моргающей пары.

О том, что третий, Павлик, единственный из их малой компании от-служил в армии — потому что хотел служить и оказался годным по здо-ровью.

Троица, за которой на некотором расстоянии попевал Тимофей, бре-ла по бетонному мосту через речку. Только что проехал лесовоз и вычер-тил в тающей снежной пороше грязные широкие полосы. Под ногами все качалось и ходило ходуном — от скользкой слякоти и по инерции — от мощного мазовского движка.

А навстречу, выявившись из-за дальних елок, что растут там, где от грейдера потянулась к фельдшерскому пункту щебневая дорога, шел па-рень, одетый по-городскому.

— Че, встретим его, потрясем? — задиристо предложил кривой Руслик, младший в компании. — Пусть платит за проход по мосту, пусть нас проспонсирует.

На Тимофея Павловича, следующего по пятам, троица оглянулась лишь раз и то не обратила никакого внимания — ну, идет себе мужичок и идет — робкий, невнятный, неинтересный... Не их поколение. У них свои разборки, свои авторитеты, свои жертвы, которых они называют по-блатному — «терпилами».

Наконец, сошлись почти у речки — молодой незнакомец и трое местных.

Смотрели на встречного пятью ясными и наглыми глазами, а шестое, неживое, око блестело круглым отражением маленького тесного мирка, и на этот перевернутый сельский мир падали и ни в какую не таяли на холодном выпуклом стекле редкие снежинки.

Намеченный троицей в спонсоры оказался парнем здешним. Выясняли, чья родня и, наконец, признали за своего.

Володька? Нет, вроде не он. А было бы славно, если бы...

Ведь все ребята — его бывлая компания.

Тимофей Павлович прошел мимо, сделав вид, что никого не вспомнил и ничего не слышал, и, лишь дойдя до остановки, вздохнул с облегчением, успокоился.

Двадцать пять лет. Большой срок. Кто-то к этому возрасту обзавелся детьми, выучился, стал учителем, потом защищал Родину и пал героем, а кто-то бесславно ушел, как бы сказал одноглазый Руслик, терпилой, жертвой нового мира. Времена, что ли, разные? Или дело не во временах, а в формации, в государственном строе?

Одно Тимофею было ясно: если есть в обществе равенство, бескорыстие и справедливость, то такой строй станут защищать не щадя жизни, а если нет, то от такого станут бежать кто за границу, кто в пьяные грезы...

Пронесся обратно давешний самосвал, проехали несколько легковушек. Раз десять выходило из-за туч теплое солнце и снова скрывалось в свинцовой пелене.

Опять студеный ветер со снежной крупой. И едет долгожданная маршrutка. Теперь остается добраться до вокзала, отойти от холода в стареньком зале ожидания с обшарпанными фанерными сиденьями, купить себе что-нибудь перекусить. Потом он сядет в поезд и к вечеру уже будет на месте.

Дома, в большом стольном городе, там, где, как предполагается, просто обязаны вырасти хорошими людьми его дочь и сын, Тимофея Павловича ждет жена Вера.

